

- 6 Скафтымов А. К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова. С. 473.
- 7 См.: Михайлов И. Экзистенциальный модус творчества А. П. Чехова : дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2002 ; Лапушин Р. «...Чтобы начать нашу жизнь снова» (Экзистенциальная и поэтическая перспективы в «Трех сестрах») // Чеховиана : «Три сестры» – 100 лет : сб. ст. М., 2002 ; Спивак Р. В полемике с христианством : Чехов – экзистенциалист // Филолог. Пермь, 2004. Вып. 5. С. 46–54 ; Сендерович С. А. П. Чехов и Л. И. Шестов. А также кое-что об экзистенциальной социологии // Вопр. литературы. 2007. № 6. С. 163–178.
- 8 Скафтымов А. О единстве формы и содержания в «Вишневом саду» А. П. Чехова. С. 383.
- 9 Там же. С. 385.
- 10 Скафтымов А. К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова. С. 462.
- 11 Там же. С. 460.
- 12 Там же. С. 462.
- 13 Чехов А. Вишневый сад // Чехов А. Собр. соч. : в 8 т. М. : Правда, 1970. Т. 7. С. 370.
- 14 Скафтымов А. Драммы Чехова. С. 335.
- 15 Там же.
- 16 Скафтымов А. О единстве формы и содержания в «Вишневом саду» А. П. Чехова. С. 415–416.
- 17 Там же. С. 414.
- 18 Там же. С. 377.
- 19 Там же. С. 380.
- 20 Там же. С. 382.
- 21 Скафтымов А. К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова. С. 478.
- 22 Там же. С. 473.
- 23 Там же.
- 24 Там же. С. 472.
- 25 Там же. С. 473.
- 26 Там же. С. 472.
- 27 Там же. С. 474.
- 28 Шестов Л. Творчество из ничего (А. П. Чехов). URL: <http://www.vehi.net/shestov/chehov.html> (дата обращения: 28.05.2014).
- 29 Булгаков С. Чехов как мыслитель. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak17.htm> (дата обращения: 28.05.2014).
- 30 Скафтымов А. Драммы Чехова. С. 332.
- 31 Там же. С. 333.
- 32 Николаева О. Мучитель наш Чехов. URL: <http://www.vinograd.su/education/detail.php?id=43035> (дата обращения: 28.05.2014).

УДК 82.09

НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ КАК ТИП ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (Статья первая)

А. А. Демченко

Саратовский государственный университет
E-mail: adema4@yandex.ru

В статье рассматривается история изучения биографического жанра в литературе, формулируются его основные теоретико-методологические принципы, уточняется соответствующая терминология.

Ключевые слова: научная биография, жанр, история, методология, писатель.

Scientific Biography of a Writer as a Type of Literary Research (The first article)

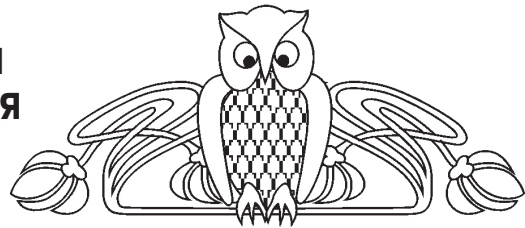
A. A. Demchenko

This paper examines the history of the study of the biographical genre in literature; its basic theoretical and methodological principles are formulated; the corresponding terminology is clarified.

Key words: scientific biography, genre, history, methodology, writer.

1

Создание научных биографий писателей продолжает оставаться насущной потребностью историко-литературной науки. «Подобные труды, – писал в свое время Н. Ф. Бельчиков, –

способствуют движению вперед научной мысли, поднимают уровень познания жизни и творчества того или иного писателя»¹. Сказанное видным литературоведом еще в 1965 г. продолжает сохранять свою научную оценку. Актуальность изучения биографии писателя формулируется в наши дни А. А. Холиковым²

Существующие научные биографии до сих пор крайне малочисленны. Приближающихся к ним по типу труда книг немного: работы об А. С. Пушкине (Б. В. Томашевского, 1961) и М. Ю. Лермонтове (Н. Л. Бродского, 1945) остались незавершенными; законченными монографиями (мы постоянно будем иметь в виду писателей XIX в.) стали издания о Н. А. Некрасове, В. Г. Белинском, М. Е. Салтыкове-Щедрине, Н. Г. Чернышевском³. Одна из причин редкого обращения литературоведов к научным биографиям заключается, вероятно, в их особой трудоемкости: научно-биографические изучения требуют многолетних усилий. Другая причина кроется, по-видимому, в недостаточной теоретической разработанности типа исследования. Обычно авторы избегают обозначения «научная биография» и пользуются

более распространенными – «жизнь и деятельность», «жизнь и творчество», «биография». Причем далеко не каждое такое жизнеописание приближается к научным биографиям с их специфическими признаками.

Необходимо поэтому прежде всего выяснить, пока в самом общем виде, основные черты научно-биографического исследования и в этой связи уточнить существующую терминологию.

Понятие «биография» принято употреблять в двояком смысле: как описание жизни изучаемой личности и как жизненный путь данного лица. В современном толковом словаре второе значение дается в качестве переносного, его применение в нашей статье каждый раз объяснено контекстом и специально не оговаривается. Для нас «биография» – это описание жизни, «научная биография» – научное жизнеописание.

Между тем широкое распространение получило другое использование понятия «научная биография», предполагающее характеристику научной стороны деятельности видных ученых. Так, издательство «Наука» уже много лет выпускает небольшие книги в серии «Научная биография», содержащие изложение научных взглядов ученых разных специальностей⁴. Об одной из своих книг литературовед и философ В. Ф. Асмус писал: «Ее предмет – научная и философская биография Декарта»⁵. По этому образцу можно говорить о «музыкальной биографии», «рабочей биографии» и т. д. Здесь тип биографии обусловлен не способом описания жизни определенного лица, а содержанием его деятельности. Такое толкование понятия «научная биография» находится вне сферы нашего внимания как очень узкое, одностороннее.

Нельзя назвать удовлетворительными разъяснения, предлагаемые современными литературоведческими справочниками. В «Краткой литературной энциклопедии» утверждается, что биография «может быть научной, художественной, академической, популярной и т. д.»⁶. Почти то же читаем в современном энциклопедическом издании: «Выделяются жанры художественной биографии, научной, популярной и академической»⁷. При этом не объяснено, какова, например, разница между биографиями академической и научной? Может быть, академическая биография – это биография академика или биография, изданная академическим учреждением? Неясность, запутанность подобных указаний отражает явное неблагополучие в теоретических разработках биографического жанра вообще и научной биографии в частности.

Под научной биографией мы понимаем – в самой общей формулировке – широкое научно-документальное исследование жизни изучаемого деятеля. В статье речь идет о русских писателях – следовательно, научная биография определяется как тип литературоведческого изучения. Существует определение, принадлежащее В. Я. Лакши-

ну: «Научная биография писателя есть основанное на фактах, подвергнутое критическому изучению и документальной проверке, хронологическое исследование жизни автора в свете основного пафоса его творчества и идейно-художественной эволюции»⁸. В дополнение заметим, что своеобразие творческой личности художника слова выявляется также в ее конкретно-исторических связях с эпохой, литературно-общественной средой, семейной обстановкой.

Научная биография вовсе не является прерогативой литературоведения. О необходимости научно-биографических монографий заинтересованно говорят историки, философы⁹. Участвующие в обсуждениях специалисты единодушно признают не только важность задачи создания научных биографий, но и настоятельную потребность теоретического изучения биографического жанра вообще.

Теоретические проблемы биографии еще не получили в научной литературе систематического изложения. До сих пор нет даже соответствующего указателя литературы. Единственными библиографиями на эту тему продолжают оставаться справочники, составленные еще в 1920-х гг. Н. А. Рыбниковым¹⁰ и Н. К. Пиксановым¹¹. Эти указатели, неполные и для своего времени, не в состоянии ныне удовлетворить занимающегося изучением биографии. Длительное время сохраняло силу давнее суждение В. В. Жданова: «К сожалению, теоретически разработанных принципов современной биографии у нас пока нет, как нет даже попыток изучить и обобщить уже накопленный – и немалый – опыт»¹². И все же работ на эту тему, появившихся в последующие годы, явно недостаточно¹³.

Изучение истории биографии и создание ее теории – задача специальная, требующая монографического труда теоретиков литературы. В данной статье предлагается краткая история биографического жанра и его методологическое оснащение.

2

Жанр биографии начал складываться еще в глубокой древности. Один из зарубежных исследователей начала XX в., Ф. Лео, предлагал разделить все античные биографии на «перипатетические», т. е. «художественные» – они прилагались к государственным деятелям («Параллельные жизнеописания» Плутарха), и «александрийские», т. е. «научные», относящиеся к героям культурной истории (биографические труды Светония). «Художественная» биография соблюдает, по мнению Ф. Лео, хронологический принцип рассказа, «научная» – логический¹⁴. Эта классификация оказывалась произвольной уже потому, что основывалась на недостаточном материале, поскольку античные биографии писателей дошли до нашего времени в очень незначительных отрывках, а один из новонайденных довольно больших фрагментов биографии Еврипида оказался написанным

в «перипатетической» форме. Важно отметить и другое: несостоятельной была попытка поставить тип биографии в исключительную зависимость от хронологического принципа повествования. Тем не менее предложения Ф. Лео заслуживают внимания: 1) впервые в литературоведении появляется термин «научная биография», хотя его истолкование не может быть принято современной наукой; 2) классификация ученого отразила существовавшее уже в древности и развившееся в последующие века стремление противопоставить художественную биографию научной, под которой со временем стали понимать деловое, сухое изложение событий жизни выдающегося человека. Как отмечал в конце XVIII в. немецкий исследователь Л. Вахлер, биографии чаще всего состояли из хронологического перечисления дат, событий (нередко отрывочных и случайных) и произведений писателя¹⁵.

Считается, что в России в период средневековья жанр биографии был представлен «житиями святых»¹⁶. Однако точнее было бы говорить, что «житие – не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии»¹⁷. Это мнение разделял и академик Д. С. Лихачев¹⁸.

Первые опыты писательских биографий в России относятся ко второй половине XVIII в. Н. И. Новиков, например, свой труд объяснял заботой «о сохранении памяти своих писателей»¹⁹, но свою задачу он ограничил лишь сообщениями кратких сведений о жизни и творчестве автора.

Новый и принципиально иной интерес к биографическому жанру возбудила книга английского писателя Л. Босвелла «Жизнь Сэмюэля Джонсона» (1796). Основное внимание Босвелл уделил описанию многообразных биографических деталей и фактов, которые помогали проникнуть в душевное состояние писателя и представить его жизнь в живом изображении. «У нас во Франции, – писал Ш. Сент-Бёв в 1829 г., – тоже начинают ценить и требовать такого рода сочинения»²⁰.

С именем Сент-Бёва принято связывать возникновение так называемого «биографического метода» в истории литературы. Сент-Бёв понимал, что искусство «является одной из важных сторон общественной жизни». Однако эта зависимость рассматривалась им как нечто второстепенное, не объясняющее главного в жизни писателя, и, увлекаясь собиранием материалов личного, интимного плана, он поставил на первое место создание художественного литературного портрета. Перед такой работой, полагал он, меркнут тщательные, богатые фактами труды, «почтенные», но лишённые необходимой художественности. Биография должна быть «произведением искусства»²¹. «Для того, чтобы создавать портреты этого рода, нужно быть превосходным художником», – отмечал один из последователей Сент-Бёва²².

В стимулировании широкого интереса к творческой личности заключалась главная заслуга Сент-Бёва. Но обязательное требование

художественности, не исключающее присутствия вымысла в биографиях, придавало его заявлениям излишнюю категоричность.

Одни сторонники Сент-Бёва (особенно Т. Карлейль и Т. Маколей) предприняли попытку углубить и канонизировать «биографический метод». Так, согласно выдвинутой Т. Карлейлем концепции «героической личности», только великий человек, раскрывающий «божественный смысл жизни», может разрешить проблему социальной дисгармонии. Из среды выдающихся личностей им особо, совсем по Шеллингу, выделялись поэты, поскольку литература является «апокалипсисом природы», «непрерывным откровением божественного в земном и человеческом». Вывод: «История мира есть биография великих людей» – был энергичным выражением субъективистского, одностороннего мировосприятия, послужившего философской основой «биографического метода»²³. Созданные им жизнеописания Данте, Шекспира, Вольтера, Дидро вполне соответствовали этим методологическим принципам. Т. Маколей способен был «жертвовать для поэтической стороны предмета историческую истину»²⁴.

Другие последователи Сент-Бёва (прежде всего И. Тэн) пытались дополнить «биографический метод» принципом социальной детерминированности личности: «Ипполит Тэн несколько ослабил увлечение личностью, придавая большое значение общественной среде»²⁵.

В русской биографической литературе важная идея обусловленности писателя и его произведений социальной средой нашла применение уже в первой половине XIX в. Формулируя жанр биографии как «повествование о судьбе, поступках и свойствах какой-нибудь знаменитой особы», А. Ф. Мерзляков, например, прибавлял: «Говорить о народе, который благодетельствован и прославлен героем, говорить о его влиянии не только не противно, но и похвально, так как – средство, служащее к объяснению целой биографии»²⁶. Анализируя работы А. Ф. Мерзлякова «О талантах стихотворца» (1812), А. И. Писарева «О нравственных качествах поэта» (1820), исследователь вправе сделать вывод: в начале XIX в. «в особый раздел теории поэзии выделилось учение о поэте как особом типе творческого и общественного деятеля»²⁷.

Взгляд на писателя с точки зрения его связей с общественной жизнью характерен для книги П. А. Вяземского о Д. И. Фонвизине – первой в истории русской литературы обширной биографии о художнике слова. «Одинокое лицо писателя Фонвизина вошло в общественную жизнь эпохи, и современная ему эпоха обставила живую рамою написанное мною его изображение», – сообщал биограф, утверждая важнейший методологический принцип своего труда. Социальная обусловленность личности писателя могла быть раскрыта только на большом документальном материале, и Вяземский хорошо это понимал. Треть его книги

отдана «Приложениям», куда вошли некоторые письма современников Фонвизина, извлечения из официальных бумаг с указанием на «занимательность и важность некоторых материалов, в них заключающихся»²⁸. В подборе и расположении источников видно отсутствие объединяющих их принципов, но само по себе намерение всесторонне документировать книгу обусловило главную заслугу биографа. Впервые в истории русской литературы появилась документированная биография писателя, способная успешно соперничать с искусством Д. Босвелла или Ш. Сент-Бёва.

В свое время рукопись монографии Вяземского была прочтена А. С. Пушкиным и высоко им оценена. Как «едва ли не самую замечательную с тех пор, как пишут у нас книги (все-таки исключая Карамзина)» рекомендовал он ее П. А. Плетневу²⁹. «Он слушал меня, – вспоминал Вяземский о Пушкине, – с живым сочувствием приятеля и критика меткого, строгого и светлого. Вообще более хвалил он, нежели критиковал»³⁰. Исследователи пушкинских заметок, оставленных на полях рукописи, отмечают: «Проблема документированной биографии выдающегося деятеля культурной и политической жизни в тесной связи с формировавшей его средой приобретает в глазах Пушкина и Вяземского особое значение»³¹.

По всем признакам жизнеописание Фонвизина, написанное Вяземским, можно считать первой научной биографией писателя в истории русской литературы.

Интерес к биографическому жанру проявлен и последующей русской литературной критикой 1850-х гг., представившей различия методологических подходов в суждениях Н. Г. Чернышевского, П. В. Анненкова, А. В. Дружинина, В. П. Боткина.

«После славы быть Пушкиным или Гоголем прочнейшая известность – быть историком таких людей», – писал Чернышевский, высоко оценивая труд биографа как важную часть литературного труда³². В условиях возрастающего интереса русского общества к литературным деятелям критик постоянно напоминал о недостаточности усилий специалистов в создании жизнеописаний, хотя публике уже были известны труды П. А. Вяземского, С. Т. Аксакова, П. В. Анненкова, А. В. Дружинина³³. Потребность «биографических монографий» «в настоящее время, – отмечал он в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1856), – чувствуется живее, нежели когда-нибудь» (3, 195). Сам Чернышевский плодотворно работает в этом жанре (книги о Пушкине, Лессинге), внимательно следит за публикациями материалов для биографий Гоголя, Жорж Санд, Бальзака.

Выдвигаемый Чернышевским тип биографии определялся им как труд, имеющий «ученое достоинство». О необходимости подобных работ он писал, например, в статьях, посвященных разбору книги П. В. Анненкова о Пушкине: «Исследователь дает нам завершённую картину жизни и творчества Пушкина», «ученый труд в его окон-

чательной форме» (2, 428). По Чернышевскому, выдающаяся личность всегда является «служительницей времени и исторической необходимости» (3, 182). Явно в противовес написанной Дружининым в духе Карлейля биографии английского поэта Крабба и переводам В. П. Боткина из Карлейля³⁴ Чернышевский заканчивает вторую (общую) главу работы о Лессинге определением «исторического значения» этого писателя, чтобы «предохранить себя от безграничного превознесения его» (4, 72–73)³⁵.

Однако в полемике с Дружининым и Боткиным Чернышевский не избежал категоричности, обнаруживая односторонность своих, в данном случае позитивистских, высказываний. По его убеждению, «совершение великих мировых событий не зависит ни от чьей воли, ни от какой личности. Они совершаются по закону столь же непреложному, как закон тяготения и органического возрастания» (4, 70). От сильной личности зависит лишь время и способ совершения события. Подобный неучет всего диалектического своеобразия связей личности и истории был справедливо отмечен еще Г. В. Плехановым, писавшим, что «история имела бы другую физиономию, если бы влиявшие на нее единичные причины были заменены другими причинами того же порядка»³⁶. К «единичным причинам» философ в данном случае относил исторические личности.

Полемично в русской критике 1850-х гг. обсуждался и вопрос о типе биографий. Биография – явление искусства, и она не может и не должна быть никакой другой, кроме как художественной. С таким заявлением выступил А. В. Дружинин. Биографический отдел издаваемого П. Леонтьевым сборника «Прописей» характеризуется в редактируемой Дружининым «Библиотеке для чтения» исключительно с точки зрения «увлекательности и художественности» описаний. В журнале расхваливаются труды Маколея Льюиза – автора «увлекательных» работ о жизни Гете³⁷. «По-дружинински» рассматриваются жизнеописания и «Отечественными записками». «От биографа нашего времени мы вправе требовать <...> художественно выработанного труда», – писал рецензент немецких изданий Шефера и Льюиза о Гете. Сравнивая их, он отдавал предпочтение Льюизу: «Один исполнил свою задачу как труженик, другой – как поэт». В качестве лучшей работы о Шиллере рекомендуется «биографическое художественное произведение Шерра»³⁸.

Конечно, это крайности – противопоставлять художественной биографии биографию в качестве «ученого труда», как это делает Чернышевский, и наоборот, видеть в художественной биографии единственно заслуживающую внимания работу, как это делает Дружинин. Обе крайности отразили напряженность идейного противостояния той литературной эпохи. Историческая же оценка рассматриваемых позиций заключается в признании важности для литературной науки обоих типов

биографических книг, о которых распространялась критика 1850-х гг.

Во второй половине XIX и начале XX в. значение приобретало дальнейшее обсуждение идеи обусловленности писателя и его произведений данной социальной средой. Особенно это было характерно для культурно-исторической школы в русском литературоведении. Так, Н. С. Тихонравов указывал, что А. Галахов, автор «Истории русской словесности древней и новой», увлекаясь выводами «эстетической критики», незаконно отрывает писателя от общества, рассматривая художника, «насильственно выдвинутого из того времени, которое его воспитало и которое окружало и определяло его деятельность всю совокупностью своих духовных стремлений и средств»³⁹. На забвение историзма «специально художественной критикой» указывал и А. Н. Пыпин: «В лице писателя является перед обществом не только художник, но и человек своего времени, своего круга, тех или других тенденций»; наконец, писатель «сам создает то или другое социальное влияние»⁴⁰. Известно, что в целом культурно-историческая школа обнаруживала заметную ограниченность, поскольку «литература в этой методологии <...> в сущности утрачивала свою специфику»⁴¹. Для биографа важно найти в писателе единство художника и человека эпохи. Разрушение этого единства грозило повлечь в односторонность, разрушающую целостность биографического изучения.

Историзм как принцип историко-литературных построений был усвоен и развит учениками и последователями Н. С. Тихонравова и А. Н. Пыпина. «Говорить о герое как выразителе *всего* времени, – писал А. Н. Веселовский, критикуя теорию «героев» Карлейля, – значит придавать ему сверхъестественные размеры Гаргантюа, забывая всё разнообразие исторической мысли, которое не под силу одному человеку»⁴². Развивая принципы сравнительно-исторической школы, ученый незаметно потеснил проблему личности в творчестве. Когда же он приблизился к изучению поэтики, то увидел, что не захватывает множества важнейших литературных явлений, связанных с проблемой индивидуальности писателя. Работая над дневниками и стихотворениями В. А. Жуковского, исповедью Петрарки, ученый стал больше внимания уделять проблеме личного почина⁴³. По наблюдению академика М. П. Алексеева, Веселовский в своей классической монографии «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения» (1904) «не только затронул по-новому “биографическую подкладку поэтической психологии”» Жуковского и осветил отражение этой психологии в чертах его поэтического стиля, но и определил его «общественно-психологический тип»⁴⁴. Внимание Веселовского к биографическому жанру показательно; оно доказывает, что при строго научном построении истории литературы миновать проблему личности художника

невозможно. С другой стороны, поиски Веселовским синтеза исторического и психологического в объяснении писательской личности оказались весьма перспективными и плодотворными в его практике исследователя-биографа.

Успехи физиологии и психологии открыли новые возможности для изучения духовной деятельности человека-творца. В литературоведении начинает развиваться психологическое направление, представители которого творчество писателей зачастую рассматривали «вне широких историко-литературных взаимоотношений и взаимосвязей»⁴⁵.

Еще больший отход от изучения общественной среды допускал А. М. Евлахов, пытавшийся впервые в литературоведении создать эстетико-психологический метод. По его убеждению, «биографический метод» всего ближе подходит к рациональному, научному приему изучения художественного произведения, так как «суживает круг исследования до пределов личности, но и в пределах самой личности этот круг, – утверждал Евлахов, – должен быть еще более сужен в направлении от человека к художнику, т. е. от внешней личности к внутреннему “я”», и следовательно, «изучение внешней жизни человека, его внешней личности оказывается излишним, бесполезным и даже вредным»⁴⁶. Отрыв художника от человека привел к методологическому тупику.

Широко развернувшаяся дискуссия 1920-х гг., когда, по словам современника, «проблема биографизма стала в литературоведении чуть ли не центральной»⁴⁷, наметила две тенденции: одни, так называемые «формалисты»⁴⁸, вообще отрицали необходимость биографий, другие подчеркивали жизненность жанра и настаивали на тщательном его изучении, но рассматривали литературное явление исключительно как «факт социальной жизни» и раскрытие его смысла сводили лишь «к пониманию социальной природы этого факта»⁴⁹. «Литературное произведение есть акт общественный, а не индивидуальный», – утверждали «социологи», иные из которых именовали себя марксистами⁵⁰.

Категоричность подобных суждений вызвала тогда же справедливые замечания многих литературоведов, отнюдь не отрицавших принципов социологического изучения литературы. Г. Лелевич, например, призывал покончить с «биографическим методом», но привлекать биографические материалы для понимания индивидуальной окраски тех или иных литературных фактов при строго социологическом освещении их «отнюдь не означает скатываться к биографическому методу! Игнорировать биографические материалы можно только игнорируя роль личности художника, а следовательно, и вообще роль личности в истории»⁵¹. Подобное внимание к биографии нельзя не признать плодотворным. Существенными представляются также размышления П. Н. Сакулина. Настаивая на тезисе о зави-

симости искусства и художника от общественной жизни, ученый выступил против пренебрежения в историко-литературных изучениях творческими индивидуальностями, против обезличения истории литературы. Биография писателя «помогает освещать этот индивидуальный момент»⁵².

На необходимости биографических изучений настаивал А. П. Скафтымов, бывший учеником А. М. Евлахова по Варшавскому университету. Размышляя о принципах исследования художественного текста, он, полемизируя с А. М. Евлаховым, справедливо утверждал: «Всякий вопрос, какого бы ни коснулись в области процесса создания, потребует от нас справок биографического характера. Вот уже и нужно изучение биографии». По логике Скафтымова, «художник и человек в одном лице, это – мир раздваивающийся, но не раздвоенный, не разрезанный, а только расходящийся концами»⁵³. Ученый устанавливает один из важнейших принципов биографического исследования: центр внимания должен быть «не в самих внешних событиях жизни художника, но в том, как они отражаются на его индивидуальности, какие вызвали в нем мысли, мечты и переживания».

Не изучив «явления биографического характера», нельзя понять, «почему тематическая сторона уже построенной поэтики именно такова, а не иная», – писал А. Вознесенский, призывая к постижению «кавалерских отношений между литературой и определенными явлениями историко-культурной среды»⁵⁴.

Исследователей тех лет продолжали привлекать и психологические аспекты биографии, «психографии» («описание души») и «психограммы» (схемы для изучения признаков и свойств индивидуальности) по предложению, например, Н. А. Рыбникова⁵⁵. Некоторое время этими идеями интересовался Н. К. Пиксанов, однако очень скоро ученый уже не настаивал на термине «психография», говоря о «выработке внешней биографии» как подступе к детальному изучению творчества художника⁵⁶. Вступая в полемику литературоведов двадцатых годов о целесообразности и принципах создания биографий художников слова, А. Цейтлин резонно заметил: «Как говорить о творчестве писателя, когда у нас ни об одном нет сколько-нибудь полной и методологически (а не только эмпирически) правильно построенной биографии?»⁵⁷

Первый серьезный опыт методологического обследования биографического жанра был предложен Г. О. Винокуром⁵⁸. Его работа до сих пор остается единственной в своем роде и не замененной ничем равнозначным.

В книге осуждаются две крайности во взгляде на биографию. Автор – безусловный противник такого понимания личной жизни писателя, которое «если не целиком, то преимущественно сводит ее к сфере быта». Таково издание «Пушкин в жизни» В. Вересаева – здесь повышенный интерес к эротическим и узко-бытовым темам едва ли не превращает «Пушкина в Ноздрева» (12). Другая

крайность заключается в «специфической нетерпимости» иных социологов, переведших биографию в «заповедную тему» (84–85). Свою задачу Винокур видит вовсе не в том, чтобы примирить обе крайности. Он предлагает «философское», «научное» отношение к предмету, объяснение которому исследователь должен искать в самом предмете, а не вне его.

Методологическое значение книги Винокура заключается в отстаивании специфической роли биографии, стремящейся постигнуть личность в ее историческом бытии. Рассматриваемая биографом история личной жизни должна быть представлена во всем контексте социальной действительности в ее исчерпывающей полноте – «вот тот материал, из которого история лепит биографию» (25). Но если текущая социальная действительность – внешний материал биографии, а личность в ее развитии – предметная форма, с которой этот материал соотносится, то критерий отбора материала определяется тем, что данный исторический факт (событие) пережит данной личностью. Переживание – конкретная форма соотношения истории и личности, оно «внутренняя форма биографической структуры» (33). Само мировоззрение художника понимается как материал данной личной жизни, «то есть как некоторая совокупность переживаний биографического героя и как личный его поступок» (58, 59, 61).

Развиваемое в 1920-е и последующие годы марксистским литературоведением учение о классовой сущности искусства применительно к биографии приводило к растворению личности в классовой среде, к утверждению, что согласно историко-литературной концепции В. Ф. Перверзева, «не в личности писателя кроется тайна стиля», все объясняется классовой принадлежностью художника⁵⁹. Об опасности «схематического детерминизма», насильственно набрасывающем «приводной ремень от махового колеса фабричной машины прямо на шею писателя», справедливо предупреждал П. Н. Сакулин⁶⁰.

Между тем заявленный В. Ф. Перверзевым тезис получил в конце 1920 – начале 1930-х гг. широкую поддержку и развитие. «Проблема биографии была вовсе изгнана из советского литературоведения», – отмечал Д. Д. Благой в статье 1934 г. С этой работы исследователя начался новый период в изучении биографии и поставлена задача построения научной биографии писателя. Вниманию автора сосредоточено прежде всего на методологических проблемах: «Вне связи с общим – с социальным – личность – отдельное – не существует. Но и социальное существует не абстрактно, не само по себе, не вне личностей, а в них и через них – в конкретном воплощении живых исторических “деятели”. Деятельность отдельного “исторического”, “делающего эпоху” человека – конкретное воплощение исторического процесса вообще. Описание этой деятельности

– биография – показ, вскрытие исторического процесса в индивидууме»⁶¹. В этом суждении, преодолевающем методологию вулгарного социологизма и выясняющем диалектичность связей общего (истории, социальной среды) и отдельного (личности), заключается шаг вперед в осмыслении одного из основополагающих принципов построения научной биографии.

Обсуждение проблем научной биографии было продолжено пушкинистами⁶². Значение имело монографическое исследование Б. В. Томашевского (1961). Однако написанная им биография Пушкина не получила завершения, и создание полной научной биографии поэта так и осталось нерешенной проблемой.

Широкую дискуссию по проблемам биографического жанра провели в 1973–1976 гг. писатели и литературоведы на страницах журнала «Вопросы литературы» и «Литературной газеты». Одни настаивали на признании за биографией быть только художественным произведением⁶³, другие считали возможным существование некоего гибридного жанра «научно-художественной биографии»⁶⁴.

И. Л. Андронников также высказался за такой «тип научно обоснованного повествования, когда автор стремится к созданию художественного образа». В результате исторический роман А. Н. Толстого «Петр Первый» отнесен к жанру биографии⁶⁵, что недопустимо. О «писателе-биографе», то есть художнике-биографе говорили Б. Бурсов и А. Гладилин, хотя Б. Бурсов относил «даже и биографический роман» к литературоведческому жанру⁶⁶. Об опасности «придать беллетризации значение главного, наиболее перспективного пути литературной науки» говорил в те годы А. С. Бушмин⁶⁷. В данном случае уместно привести суждение К. Д. Ушинского, говорившего еще в 1850-х гг. о «новом современном направлении, вследствие которого биографии становятся похожи на романы и романы на биографии». По его мнению, соединение их «в один ряд произведений отнимает у них обоим то, что составляет их характеристическую и необходимую особенность, – у биографии: строгость истины, иногда сухую, но необходимую; у романа: возможность страстной поэтической концепции, может быть идеальной, но необходимой в произведении поэзии»⁶⁸.

Голоса о необходимости все же различать литературно-художественную биографию и биографию научную звучали в дискуссии 1970-х гг. куда как одиноко. Случается, что «слабому роману, – писала А. Латынина, – охотно прощают слабость, поскольку это не роман, а биография, а научную несостоятельность как не простить: ведь не биография, а роман!»⁶⁹ Е. Муза полагала, что «сегодня, когда так отчетливо ощутимо всеобщее тяготение к хронике, к документу, именно научная биография – может быть, наиболее перспективный вид жизнеописания, располагающий большими и еще далеко не реализованными возможностями»⁷⁰.

На беспредметность противопоставления научной и художественной биографии указал В. В. Жданов: «Такая биография, – говорил он о «научном жизнеописании», – имеет свои преимущества перед биографией художественной: ее сила в документальности, в строгой достоверности фактов, которой не может быть там, где преобладает вымысел, хотя бы и правдоподобный, то есть родившийся на основе вполне реальных источников»⁷¹. «Особым литературоведческим жанром» назвал научную биографию Е. И. Покусаев. Он не был участником рассматриваемой дискуссии, но его выступление помещено в том же номере журнала «Вопросы литературы», где опубликованы результаты споров за круглым столом, и потому вполне вписывается в круг обсуждаемых здесь проблем. Рецензируя научную биографию М. Е. Салтыкова-Щедрина, созданную С. А. Макашиным, Е. И. Покусаев подчеркнул богатейшие возможности подобных трудов в раскрытии облика писателя⁷².

Последующие обсуждения судеб биографического жанра, в сущности, повторяли полемически несходящиеся суждения предшествующего времени⁷³.

Все эти дискуссии, несомненно, имели значение для выяснения многих вопросов биографики. В то же время они продемонстрировали все еще недостаточную осведомленность большинства участников в том, что же собою представляет научная биография, каковы ее цели, задачи. Лишь в отдельных работах время от времени рассматриваются проблемы соотношения художественного вымысла и документальности в биографии писателя⁷⁴. Теоретическую разработку биографии «как определенного типа гуманитарного знания и самостоятельной культурной традиции» предложил А. Л. Валевский⁷⁵. Он не занимается изучением типов биографических трудов и потому не уделяет внимания научной биографии, но зато «подробно рассматривает основные процедуры и понятия биографической реконструкции, характеризует этику биографа» и в целом «существенно поднимает уровень обсуждения данной проблематики»⁷⁶.

За рубежом существует огромная биографическая литература, в целом свидетельствующая о методологической плодотворности исходных принципов в понимании творческой личности в ее взаимосвязях с историей. Об этом свидетельствуют содержательные биографические работы, опубликованные, например, в многочисленных изданиях энциклопедического типа, таких как англо-американская «Британика», американская энциклопедия «Американа», англо-американская «Литературная энциклопедия Кассела», итальянская «Литературная энциклопедия» Гардзанта, французская энциклопедия «Лярусс», датская энциклопедия Гюллендаля, многочисленные энциклопедии жизни и творчества, посвященные отдельным авторам (Данте, Шекспиру, Шиллеру, Гете, Бернсу, Диккенсу и др.).

Анализ состояния зарубежной биографики – тема специальная, выходящая за пределы задач нашей статьи⁷⁷. Что касается научных биографий, то приходится признать, что наибольших успехов в осмыслении основных принципов их построения достигли литературоведы в России, несмотря на малочисленность такого рода работ.

Рассмотрение приведенных в данной статье материалов позволяет сделать следующие выводы, важные для уяснения законов биографии.

Развитие биографического жанра сущностно связано с историей литературы и ее теорией. Единство художника и человека, личности и истории, в действительности объективно существующее, определяет основное методологическое содержание биографии писателя, ее структуру. Отрицание этого единства или решение вопроса в пользу какого-либо одного из элементов, составляющих эти парные взаимосвязи, приводит в конечном счете к односторонности, крайностям в биографических построениях. Не говорим уже об иных, отечественных и зарубежных, литературоведческих концепциях, вообще отрицающих необходимость изучения личности творца. В истории биографии научные жизнеописания еще не заняли подобающего им места. Напротив, в литературной науке пока преобладает мнение в пользу художественных биографий. Не отрицая их значения, отметим, что их противопоставление биографиям научным лишь свидетельствует о слабости, неразвитости теории биографии, которая одна способна дать необходимые пояснения относительно значения и функций каждой из определившихся биографических моделей.

Примечания

- ¹ Бельчиков Н. Пути и навыки литературоведческого труда. М., 1975. С. 199.
- ² См.: Холиков А. Биография писателя как жанр : учеб. пособие. М., 2010.
- ³ См.: Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова : в 3 т. М. ; Л., 1947–1952 ; Нечаева В. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество : в 4 т. М., 1954–1968 ; Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография : в 4 т. М., 1949–1989 ; Демченко А. Н. Г. Чернышевский : Научная биография : в 4 т. Саратов, 1978–1994.
- ⁴ См., например: Каталог книг издательства «Наука». М., 1980. С. 326–328.
- ⁵ Асмус В. Декарт. М., 1956. С.20.
- ⁶ Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1962–1978. Т. 1. С. 620.
- ⁷ Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 91.
- ⁸ Лакишин В. А. Н. Островский. Проблемы научной биографии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981. С. 3.
- ⁹ См.: Биография как критическое исследование (обсуждение темы) // История СССР. 1970. № 4. С. 231–242 ; Штернберг В. Несколько замечаний о роли научных

- биографий в исследовании истории советской общественной мысли // Актуальные проблемы истории общественной мысли. М., 1974. Вып. 4, ч. II ; Шахматов Б. К вопросу о биографическом аспекте в историко-философских исследованиях // История философии и марксизм. М., 1976. С. 176–195 ; Соловьев Э. Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Вопр. философии. 1981. № 7. С. 115–126 ; Киянская О. Научная биография П. И. Пестеля : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2002.
- ¹⁰ См.: Рыбников Н. Изучение биографии (темы семинария, указатель литературы). М., 1922.
  - ¹¹ См.: Пиксанов Н. Два века русской литературы. Изд. 2-е. М., 1924.
  - ¹² Жданов В. «Стихи, друзья мои, стихи!» // Вопр. литературы. 1973. № 10. С. 39.
  - ¹³ См.: Жуков Д. Биография биографии. Размышления о жанре. М., 1980 ; Сивогризова А. Биографические жанры в литературе : История и теория : учеб. пособие. Ростов н/Д, 1989 ; Лотман Ю. Литературная биография в историко-литературном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. Избр. статьи : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 365–380 ; Праздников Г. Биография и творчество. Введение в проблематику // Искусство и эстетическая культура : сб. СПб., 1992. С. 77–93 ; Валеvский А. Основания биографики. Киев, 1993 ; Мельник В., Мельник Т. Методические материалы по спецкурсу «Научная биография И. А. Гончарова». Ульяновск, 1996 ; Панин С. В. Жанр биографии в русской литературе XVIII – первой трети XIX века : система, эволюция. М., 2000 ; Каенэ И. Соединенные с успехом. (Биографии «массовых» писателей) // Новое лит. обозрение. 2002. № 56. С. 329–339.
  - ¹⁴ См.: Аверинцев С. Плутарх и античная биография. М., 1973. С. 23. См. также: Аверинцев С. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или Счастливый брак биографического жанра и моральной философии // Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 2 т. / подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. М., 1994. Т. 1. С. 637–653 ; Лосев А. Плутарх : Очерк жизни и творчества // Плутарх. Сравнительные жизнеописания : Трактаты и диалоги. М., 1997. С. 5–38.
  - ¹⁵ См.: Сухомлинов М. О трудах по истории русской литературы // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Ч. СХVI. С. 141. См. также: Каган-Тарковская Д. Развитие житийно-биографического жанра в XVII веке (жития Адриана и Ферапонта Мозенских, Трифона Вятского, Симона Воломского, Серапиона Кожеозерского, Арсения Новгородского, Никандра Псковского) // Труды Отдела древнерусской литературы / ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1996. Т. 49. С. 122–132. О различных изображениях личности в биографиях позднего средневековья см.: Гуревич А. Индивид: Статьи для возможного в будущем «Толкового словаря средневековой культуры» // От мифа к литературе : сб. М., 1993. С. 297–311.
  - ¹⁶ См.: Соболевская О. Биография // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. Стлб. 91. Здесь же дана ценная краткая справка развития биографического жанра за рубежом и в России.

- ¹⁷ *Ключевский В.* Курс русской истории. М. ; Пг., 1923. Ч. 2. С. 314.
- ¹⁸ См.: *Лихачев Д.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 10.
- ¹⁹ Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772 // Русская литературная критика XVIII века : сб. текстов / сост., ред., вступ. ст. и примеч. В. И. Кулешова. М., 1978. С. 165. См. также: *Живов В.* Первые русские литературные биографии как социальное явление : Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое лит. обозрение. 1997. № 25. С. 24–84; *Панин С.* Жанр биографии в русской литературе XVIII – первой половине XIX века : Система. Эволюция. М., 2000.
- ²⁰ *Сент-Бёв Ш.* Литературные портреты. Критические очерки. М., 1970. С. 47–48.
- ²¹ Там же. С. 47, 50, 51, 99.
- ²² *Фаге Э.* Политические мыслители и моралисты XIX века. М., 1900. С. 227.
- ²³ *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории. СПб., 1908. С. 19, 31, 33, 181, 346.
- ²⁴ *Вязинский Г.* Лорд Маколей, его жизнь и сочинения // Маколей Т. Полн. собр. соч. : в 2 т. СПб., 1860. Т. 1. С. XIV. См. также: *Михайлов А.* Марсель Пруст накануне «Поисков утраченного времени» : «Против Сент-Бёва» // Пруст Марсель. Против Сент-Бёва : Статьи и эссе / пер. с фр. Т. В. Чугуновой. М., 1999. С. 13.
- ²⁵ *Аничков Е.* Научные задачи истории литературы // Университетские изв. Киев. 1896. № 4. С. 7.
- ²⁶ Краткая риторика или правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических, изданная для благородных воспитанников Московского университетского пансиона профессором А. Мерзляковым. Изд. 2-е. М., 1817. С. 74–75, 77.
- ²⁷ *Курилов А.* Русская теоретико-литературная мысль в начале XIX в. // Возникновение русской науки о литературе / редколл. П. И. Николаев и др. М., 1975. С. 146.
- ²⁸ *Вяземский П.* Фонвизин. СПб., 1848. С. I, IV, V, 52–53.
- ²⁹ *Пушкин А.* Полн. собр. соч. : в 16 т. М. ; Л., 1949. Т. XIV. С. 161.
- ³⁰ *Вяземский П.* Полн. собр. соч. : в 12 т. СПб., 1878–1896. Т. 1. 1880. С. 21.
- ³¹ Новонайденный автограф Пушкина. Заметки на полях рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» / подгот. текста, статья и примеч. В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона. М. ; Л., 1968. С. 74. См. также: *Петрунина Н.* Вяземский – биограф Фонвизина и Пушкин – историк Пугачева // Русская литература. 1980. № 4. С. 130–135.
- ³² *Чернышевский Н.* Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1951. Т. 4. С. 720. Последующие ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страниц.
- ³³ См.: *Аксаков С.* Биография М. Н. Загоскина. М., 1853; *Анненков П.* Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии. СПб., 1855; *Дружинин А.* Жизнь и драматические произведения Ричарда Шеридана // Современник. 1854. № 1, 9, 10; *Он же.* Георг Крабб и его произведения // Современник. 1855. № 11, 12; 1856. № 1–3, 5.
- ³⁴ См.: *Боткин В.* Героическое значение поэта. Дант (Из Т. Карлейля) // Современник. 1856. № 1; *Он же.* Героическое значение поэта. Шекспир (Из Т. Карлейля) // Современник. 1856. № 3.
- ³⁵ См.: *Каплинский В.* «Лессинг» Чернышевского // Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, материалы и статьи : сб. ст. Саратов, 1928. С. 221. См. также: *Белова Н. М.* Н. Г. Чернышевский : концепция исторической личности // Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947–1958 / отв. ред. Е. П. Никитина. Саратов, 1999. С. 234–236.
- ³⁶ *Плеханов Г.* Избранные философские произведения : в 5 т. М., 1958. Т. 2. С. 332.
- ³⁷ См.: Современник. 1853. № 2. Отд. 2. С. 55. Ср.: *Карлейль Т.* Вальтер Скотт // Карлейль Т. Критические и исторические опыты. М., 1878. С. 403; Библиотека для чтения. 1855. № 5. Литературная летопись. С. 7, 8, 11; Библиотека для чтения. 1856. № 6. Критика. С. 45; там же. № 9. Науки и искусства. С. 45–46; там же. 1857. № 2. Смесь. С. 136–140; там же. Науки и искусства. С. 149–212.
- ³⁸ Отечественные записки. 1858. № 11. Отд. 3. С. 1, 4, 8; 1860. № 1. Иностранная литература. С. 25–26.
- ³⁹ Сочинения Н. С. Тихонравова : в 4 т. М., 1898. Т. 1. С. 116–117.
- ⁴⁰ *Пытин А.* История русской литературы : в 4 т. СПб., Т. 1. 1898. С. 27.
- ⁴¹ *Гришунин А.* Культурно-историческая школа // Академические школы в русском литературоведении / отв. ред. П. А. Николаев. М., 1975. С. 107.
- ⁴² *Веселовский А.* Собр. соч. : в 6 т. СПб., 1913. Т. 1. С. 5. См. также: *Веселовский А.* Из дневника человека, ищущего пути // Памяти академика А. Н. Веселовского. Пг., 1921. С. 67; *Горский И. А.* Н. Веселовский // Академические школы в русском литературоведении. С. 210.
- ⁴³ См.: *Энгельгардт Б. А.* Н. Веселовский. Пг., 1924. С. 193–194.
- ⁴⁴ *Веселовский А.* Избранные статьи. Л., 1939. С. 566.
- ⁴⁵ *Осьмаков И. Д.* Н. Овсяннико-Куликовский // Академические школы в русском литературоведении. С. 377.
- ⁴⁶ *Евлахов А.* Введение в философию художественного творчества : в 3 т. Т. 1. Варшава, 1910. С. 266; Т. 3. Ростов н/Д, 1917. С. 521, 526.
- ⁴⁷ *Азадовский М.* По поводу книги С. Балухатого «Теория литературы» (Л., 1929) // Литература и марксизм. 1929. № 3. С. 205.
- ⁴⁸ См.: *Брик О.* Так называемый «формальный метод» // ЛЕФ. 1923. № 1. С. 213. См. также: *Томашевский Б.* Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 8, 9. О Б. Томашевском и Ю. Тынянове как участниках дискуссии 1920-х годов см.: *Местергази Е.* «Литературная личность», «писатель с биографией» и проблема жизнотворчества // Начало. 1995. № 3. С. 32–46.
- ⁴⁹ *Переверзев В.* Социальный генезис обломовщины // Печать и революция. 1925. Кн. 2. С. 61.
- ⁵⁰ *Коган П.* Пролог. М., 1923. С. 9–17.

- ⁵¹ Лелевич Г. Марксистское литературоведение и биография художника // Звезда. 1926. № 3. С. 185.
- ⁵² Сакулин П. Социологический метод в литературоведении. М., 1925. С. 138, 223.
- ⁵³ Скафтымов А. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Учен. зап. Саратов. ун-та. 1923. Т. 1, вып. 3. С. 63. О теоретических расхождениях А. П. Скафтымова с А. М. Евлаховым см.: Куликова Е. И. Становление методологии Скафтымова // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора : Ученые-педагоги саратовской филологической школы / под ред. проф. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 89–92.
- ⁵⁴ Вознесенский А. Проблема «описания» и «объяснения» в науке о литературе // Родной язык в школе. 1926. Кн. 11–12. С. 40.
- ⁵⁵ См.: Рыбников Н. Биографии и их изучение. М., 1920. С. 3, 17–26.
- ⁵⁶ См.: Пиксанов Н. Новый путь литературной науки // Искусство. 1923. № 1. С. 97. *Он же*. Два века русской литературы. М., 1924. С. 257; *Он же*. Два века русской литературы. Изд. 2. М., 1925. С. 11–12; *Он же*. Итоги и задачи изучений Островского // Александр Николаевич Островский. 1823–1923: сб. ст. к столетию со дня рождения. Иваново-Вознесенск, 1923. С. 146, 160. См. также: Борисов Ю. Николай Кириякович Пиксанов // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора : Ученые-педагоги саратовской филологической школы. С. 35–53.
- ⁵⁷ Цейтлин Ал. Проблемы современного литературоведения // Родной язык в школе. 1925. № 8. С. 5.
- ⁵⁸ См.: Винокур Г. Биография и культура. М., 1927. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.
- ⁵⁹ Переверзев В. Проблемы марксистского литературоведения // Литература и марксизм. 1929. № 2. С. 21.
- ⁶⁰ Сакулин П. Указ. соч. С. 183.
- ⁶¹ Благий Д. Проблемы построения научной биографии А. С. Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 270.
- ⁶² См.: Винокур Г. Ранние биографии Пушкина // Книжные новости. 1937. № 1. С. 16–18; Городецкий Б. П. Изучение биографии Пушкина в советское время // Труды Первой и Второй Всююзных пушкинских конференций. М.; Л., 1952. С. 26–48; Мейлах Б. О задачах изучения и принципах построения биографии Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 16–30; Левкович Я. Биография // Пушкин. Итоги и проблемы изучения / под ред. В. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, В. С. Мейлаха. М.; Л., 1966. С. 251–302.
- ⁶³ См.: Кумок Я. Биография и биограф // Вопр. литературы. 1973. № 10. С. 28–29; Жуков Д. Биография биографии. Размышления о жанре. М., 1980. С. 11, 72, 86.
- ⁶⁴ См.: Семанов С. Создать теорию жанра // Вопр. литературы. 1973. № 10. С. 48. Резник С. Во фраке с чужого плеча // Лит. газ. 1975. № 41.
- ⁶⁵ Андронников И. Ступени человеческого опыта // Вопр. литературы. 1973. № 10. С. 57, 59.
- ⁶⁶ См.: Бурсов Б. Жизнь писателя – источник творчества // Там же. С. 74; Гладилин А. Орудие познания истории // Там же. С. 86.
- ⁶⁷ Бушмин А. С. Наука о литературе. Проблемы. Суждения. Споры. М., 1980. С. 55.
- ⁶⁸ Современник. 1854. № 3. Отд. V. С. 61; Ушинский К. Д. Собр. соч. : в 11 т. М.; Л., 1948–1952. Т. 1. 1948. С. 713–714.
- ⁶⁹ Латынина А. Лицо под маской душевной // Лит. газ. 1975. № 38.
- ⁷⁰ Муза Е. Не занимательности ради // Там же. № 37.
- ⁷¹ Жданов В. «Стихи, друзья мои, стихи!» // Вопр. литературы. 1973. № 10. С. 37.
- ⁷² См.: Покусаев Е. Особый литературоведческий жанр // Там же. С. 255.
- ⁷³ См., например: Рейтблат А. И. Биография и литературоведение (Размышления по поводу состоявшейся полемики) // Новое лит. обозрение. 2009. № 95. С. 437–442.
- ⁷⁴ См.: Пантин В. О. Биографические «апокрифы» Лескова // Русская литература. 1992. № 3. С. 130–140; Пемова В. Менувань биографии // Разгледы. 1993. Г. 35, бр. 4–6. С. 355–382; Еремеев А. Э. Биографические очерки «Жизнь Стефанса» и «Е. А. Баратынский» как основа синтеза образного и логического мышления И. В. Киреевского // Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX века : сб. науч. тр. Екатеринбург, 1997. С. 48–57; Дацюк О. Герой і прототип у художньо-біографічних творах // Всесвіт. Київ, 1998. № 1. С. 167–170.
- ⁷⁵ Валеvский А. Основания биографики. Киев, 1993. С. 4.
- ⁷⁶ Рейтблат А. [рецензия] // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 294. См. также: Поляков А. Н. Биография : теория или история? // Вест. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2000. № 1. С. 5–9; Терпугова А. Современный биографический текст : к вопросу о текстообразующих элементах // Традиционная культура. 2009. № 4. С. 21–29.
- ⁷⁷ Соответствующие обзоры англоязычной, немецкой и французской биографики см.: Kaplan J. A culture of biography // Yale rev. New Haven, 1994. Vol. 82. № 4. P. 1–12; Ковальчук Л. Жанровое своеобразие биографической прозы и некоторые тенденции ее развития в современной немецкой литературе // Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе XIX–XX веков : межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1995. С. 179–197; Биографии и контрбиографии : С Жаком Нефом, профессором университета Париж-VIII (Франция) и университета Джонса Хойкинса (США), беседует Сергей Зенкин // Иностран. лит. 2000. № 4. С. 274–279; Якушкина Т. Центр биографических исследований в Гавайском университете // Филологические науки. 2001. № 5. С. 124–126; Местергази Е. Теоретические аспекты изучения биографии писателя : пер. с фр. М., 2007.